

24 OKT 1982

СОВЕТСКИЙ АЯ РОСОНА
г. Москва

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ПОСЛЕ ДЕКАБРЯ...

По страницам рукописей А. С. Пушкина

Тридцать восьмой лист из так называемой третьей тетради рукописей А. С. Пушкина уже давно привлёк и продолжает привлекать внимание исследователей. Фраза «и я бы мог, как шут (...)», повторенная дважды на листе (второй вариант — «и я бы мог»), расположенная рядом с рисунком пяти повешенных декабристов, вверх. А внизу этого же листа снова изображение виселицы с пятью повешенными. Какой драматический лист! И сколько раздумий поэта о вечной проблеме жизни и смерти!.. Весь лист заполнен рисунками, в основном портретами в профиль. Как интерпретировать загадочную строку, кто изображен на листе — эта тайна волновала и мучила многих пушкинистов, да и всех тех, кто с пристальным вниманием следит за их работой, публикациями.

Шли годы, и смысл изображений и фраз то прояснялся, то снова казался туманным и неясным. С. А. Венгеров первый прочел строку и опубликовал фототипическое изображение этого листа в собрании сочинений Пушкина в изд. Брокгауз — Ефрон. Страница рукописи стала известна читателям.

Вот некоторые мнения о строке, написанной у виселицы. А. Эфрос, занимавшийся этим листом очень внимательно, пишет: «О том, что должно было следовать за этим и какое значение придавал Пушкин слову «шут» в том трагическом сопоставлении, какое дал рисунок виселицы, можно лишь гадать, но явственно, что строка и рисунок связаны двойным повторением и что смысл «шута» должен заключать в себе что-то вроде сравнения предсмертных конвульсий в веревочной петле при позорной казни с вынужденным и униженным кривлянием шута на канате перед базарной площадью».

Это предположение А. Эфроса было с некоторыми дополнениями поддержано крупнейшими пушкинистами нашей страны: М. А. и Т. Г. Цявловскими, Б. П. Городецким и С. М. Бонди.

Для того, чтобы понять эту строку, попробуем исследовать данный лист внимательно, не пропуская даже, казалось бы, мелких деталей. В таком исследовании особенно важно восстановить канву событий, предшествующих созданию листа, с одной стороны. С другой, необходимо помнить о той большой работе, которая уже была проделана крупными учеными-пушкинистами (и прежде всего Т. Г. Цявловской) по анализу иконографии данного листа.

Итак, А. С. Пушкин неожиданно с фельдшером уезжает из Михайловского. Его друзья Осиповы-Вульфы волнуются. Зная это, он одной из первых сообщает о себе главе семьи — Прасковье Александровне: «Вот уже 8 дней, что я в Москве, не имея еще времени написать вам. Это доказывает вам, как я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и до такой степени отдалась празднествам, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, — иначе говоря, по Тригорскому...»

Подробностей встречи с Николаем I он не передает. Однако в дальнейшем, по воспоминаниям современников, еще помнящих рассказы самого Пушкина, личные, или в передаче, эти подробности всплывают.

Николай I с удовольствием разыграл еще один спектакль, или, как говорили, «умный покорил мудрого». Он мог теперь говорить — «мой Пушкин». А главное выражено в том, что тогда почувствовала умнейший П. А. Вяземский и написал А. И. Тургеневу: «...Государь обещался сам быть его цензором». Воля, но какой ценой приобретена! Пушкин и сам это прекрасно понимал, особенных иллюзий у него не было. Но все же было главное — свобода! Хотя смертельная опасность ждала его уже давно с другой стороны. За ним был вызов известному дуэлянту — графу Федору Ивановичу Толстому («Американцу»). К счастью дело уладилось: графа Толстого не случилось в Москве, а впоследствии противников помирили.

Начинается бурная и разнообразная московская светская жизнь.

Два месяца промчались, как один миг, и, уезжая обратно в Михайловское для устройства своих дел, Пушкин пишет В. П. Зубову: «Я надеялся видеть вас и еще поговорить с вами до моего отъезда; но злой рок преследует меня во всем том, чего мне

хочется. Итак, прощайте, дорогой друг, я еду похоронить себя в деревне до первого января, — уезжаю со смертью в душе».

Именно о смерти думал он, когда в тиши тоскливого и холодного осеннего вечера раскрыл свою рабочую тетрадь, которой не касался два месяца...

Исследователи определили профили Сергея Трубецкого, отца поэта и дяди Василия Львовича, генерала П. С. Пушкина. Кто же остальные? Пушкин стремительно чертит профиль красивого мужчины и около фигурки людей, маленькие, как призраки, — действующие лица несостоявшейся, призрачной дуэли. Автор данной статьи определил лицо красивого мужчины как Федора Ивановича Толстого («Американца»).

Пушкин рисует его не в первый раз, слишком занимает этот человек его воображение, слишком проста история их личных взаимоотношений.

Что же это за личность и что связывает его с Пушкиным? Граф Федор Иванович Толстой занимал умы многих современников. В нем уживались смелость авантюриста и бесшабашное презрение к общественному мнению с диким самолюбием и презрением к морали. Страстный путешественник, он был высажен за безобразное поведение на берег русской колонии в Америке, за что и получил свое прозвище. Два года он скитался по Камчатке и Алеутским островам. И эти экзотические приключения дали повод А. С. Грибоедову написать:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист.

И вот этого-то человека Пушкин вызвал на дуэль. Причиной была порочащая честь поэта сплетня. Мы знали, что Пушкин не допускал клеветы и подлости и относился к ним с высочайшим презрением и негодованием. Репутация Ф. Толстого была такова, что Пушкин поверил, что клевету пустил по Петербургу именно этот человек. Он ответил эпиграммой:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он заглянул свой позор
И теперь он — слава Богу
Только что картежный вор.

Ответ Ф. Толстого в самой грубой форме не ставил себя ждать, однако он отрицал клевету.

Остался один выход — дуэль. Но в 1820 году она неосуществима. Пушкин в ссылке — в Кишиневе, Толстой — в Москве. Правда, последний таков, что может и приехать.

Пушкина в южной ссылке занимала сильно мысль о предстоящей дуэли. Он уже в Одессе завел себе железную трость, бросал ее и ловил, укрепляя руку, ведь противник ему предстоял более чем опасный. Часто поэт силой своего воображения, представлял себе этого красивого человека, страшного в гневе, похожего на льва.

На полях рукописи возникает профиль врага — Федора Толстого. Он красив и грозен — этот человек, и вполне соответствует описаниям: «Федор Иванович был среднего роста, плотен, силен, красив и хорошо сложен, лицо его было кругло, полно и смугло, выходящие волосы были черны и густы, черные глаза его блестя, а когда он сердился, страшно было заглянуть ему в глаза» — так пишет о нем С. Л. Толстой по воспоминаниям отца Льва Николаевича и других родственников и знакомых. Зрительные воспоминания Пушкина им не противоречат. Но одно дело рисовать по воспоминаниям своего грозного врага, другое дело повторить свой рисунок тогда, когда опасность уже миновала, но образ человека еще продолжает волновать твоё воображение. Да и видел он его совсем недавно. Новый профиль Ф. Толстого, созданный в 1826 году на исследуемом нами листе, старше и еще больше похож на свои портреты. У него более выходящие волосы (которые многими отмечаются как львиная грива) и в выражении лица — стремительность, энергия и сила.

Три портрета Ф. Толстого, написанных в разное время и разными художниками, также не противо-

речат образу, созданному Пушкиным. Но профессиональные портреты не профильные. А Пушкин сам же дает нам окончательную уверенность, сравнивая своего «героя» с генералом А. П. Ермоловым.

Самому Ф. Толстому (с которым, как мы уже говорили, он впоследствии стал в приятельских отношениях) Пушкин пишет о Ермолове 27 мая — 10 июля 1829 года с Кавказа: «Я нашел в нем разительное сходство с тобою».

На этом листе еще два профиля, которые явно нарисованы с большой антипатией. Более того, все исследователи приходят к выводу, что изображено одно и то же лицо, но одно изображение — реально, а другое карикатурно.

Длительные поиски в иконографии лиц, которых видел Пушкин в Москве, но знал и не любил уже давно, привели автора статьи к уверенности, что изображен всеильный министр иностранных дел в России, а сам чужеземец К. В. Нессельроде (1780—1862).

У него слишком типичное и выразительное лицо, чтобы его можно было не узнать. Достаточно взять два его известных портрета (примерно современных, созданных Пушкиным) — гелиогравюру Паулусена с портрета Робера и гравюру Ф. Лемана с портрета неизвестного художника, чтобы понять, что это одно и то же лицо. Горбатый, длинный нос с характерно вырезанными ноздрями, презрительно отвислая нижняя губа, прямые и короткие брови, острые, колючие глаза. Нарисовав его очень верно, прямо под строчкой-повторением «и я бы мог», Пушкин с какой-то злобной радостью внизу рисует его второй раз, утрируя все его неприятные черты. Кроме того, удивительно точно показаны направление волос и бакенбарды, доходящие до подбородка. А главное — это фигура, сгорбившийся маленький человек, противный «карла», как его многие называли.

В этом листе еще раз убеждаешься в феноменальной гениальности Пушкина как рисовальщика. Точность характеристики и сходство окрашены отношением поэта. Ведь именно Нессельроде более чем кому бы то ни было обязан Пушкин михайловской ссылкой, и это спасло, возможно, его от гибели на виселице. Какой парадокс! Сразу после окончания Лицея Пушкин был зачислен в чине коллежского секретаря на службу в коллегию иностранных дел. Нессельроде был статс-секретарем коллегии и одним из основных начальников поэта. Взаимная вражда возникла сразу.

Впоследствии Нессельроде сумел добиться для поэта новой, худшей ссылки из Одессы — в глухую деревню Михайловское. Он действовал заодно со злейшими врагами поэта.

И вот теперь, спустя много лет, Пушкин увидел Нессельроде в свите нового самодержца России в новом качестве — министра иностранных дел. Как многие маленькие мужчины, он восполняет недостаток в росте крайней важностью и спесивостью.

Такие ничтожества, как Нессельроде, процветают, а лучшие умы России, благороднейшие ее защитники и граждане, такие, как П. Пестель, К. Рылеев, Каховский, С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин, на виселице. С этим трудно, невозможно согласиться. И отсюда столько страстного, личного и гражданского в характеристиках, данных различным людям в данном листе.

Как страстно, многогранно и иногда причудливо мчатся мысли поэта, за которыми едва поспевает перо. Виселицу он знает только по описаниям очевидцев, но рисует ее подробно и точно еще раз внизу листа. Высокий тяжелый помост, и снова пять повешенных... Невдалеке фигурка, как бы привязанная, с протянутыми руками. Не так ли чувствовал себя поэт? Связанный по рукам и ногам, свободный лишь относительно, но мечтающий в будущем помочь ссыльным друзьям. Он еще не знает, что этой его заветной мечте не суждено будет осуществиться. Но он, твердо сказав, что «...шутом не буду и у паря небесного...», сделал это запевядью своей жизни.

Лист можно считать теперь расшифрованным полностью иконографически. И, кто знает, может быть, строчки «и я бы мог, как шут, ви...» получат новые толкования у пушкинистов?

Ирина ЧИЖОВА.